

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕСТУПНОСТЬ

На основе анализа литературы и проведенного автором эмпирического исследования формулируется самостоятельное понятие уголовно-правового воздействия на преступность, а также определяется содержание данной категории.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие; преступность; влияние; средства противодействия.

Известно, что воздействие на преступность посредством уголовно-правовых мер является одним из основных способов ее сдерживания. В свою очередь, сфера уголовно-правового регулирования общественных отношений во все периоды развития любого государства, по сути, являлась наиболее важной и значимой для общества. Связано это в первую очередь с ее максимально репрессивным характером в сравнении с другими отраслями права, а также правовой регламентацией одних из самых опасных форм проявления деятельности человека – преступлений. При этом степень значимости непосредственного воздействия уголовного законодательства на общественное развитие (как, впрочем, и обратная зависимость) не может вызывать каких-либо сомнений. Нельзя не согласиться с В.Н. Кудрявцевым в том, что не следует переоценивать возможности воздействия права на поведение людей, на их общественные отношения, которое придает им лишь границы и рамки необходимые для господствующего класса [1. С. 26]. Ставить под защиту уголовного закона необходимо наиболее важные и ценные группы общественных отношений и только тогда, когда защита не может быть обеспечена никакими иными средствами [2. С. 15].

В то же время и недооценка степени такого воздействия также недопустима. Само уголовно-правовое воздействие, его конкретное содержание и степень интенсивности применения всегда представляли собой естественную и неизбежную реакцию государства на происходящие в нем политические, экономические и социальные процессы и изменения. Рассматриваемое явление, таким образом, с течением времени приобрело фундаментальный характер и к сегодняшнему дню представляет собой целую совокупность исторически обусловленных и систематизированных мер, направленных на противодействие преступности.

Необходимо отметить, что понятие уголовно-правового воздействия, а также перечень его неотъемлемых признаков в современной доктрине остаются слабо разработанными. Различие во взглядах по данным вопросам позволяет утверждать об отсутствии единого подхода к восприятию и, соответственно, определению уголовно-правового воздействия как относительно самостоятельного явления в современной теории уголовного права. В свою очередь, осознание понятия уголовно-правового воздействия способно существенно помочь в поиске и реализации оптимальных средств повышения эффективности противодействия преступности.

По мнению Н.А. Лопашенко, уголовно-правовое воздействие «охватывает сразу и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовно-правовую политику как основополагающие элементы, аккумуля-

рующие в себе понятия преступного и наказуемого и все, что с ними связано» [3. С. 7]. Исходя из этого, в современной юридической литературе формулируются различные понятия данного явления. Так, С.В. Векленко полагает, что под уголовно-правовым воздействием следует понимать «специальную деятельность государства по защите наиболее важных для общества (на данном этапе его развития) отношений от преступных посягательств и регулированию тех отношений, которые возникают вследствие нарушения устанавливаемых им уголовно-правовых запретов» [4. С. 370]. В.К. Дуюнов отмечает, что уголовно-правовое воздействие можно представить как «специальную деятельность государства, реагирующего на факты нарушения устанавливаемых им уголовно-правовых запретов посредством использования возможностей, заложенных в уголовном праве» [5. С. 28]. При этом ученый отождествляет уголовно-правовое воздействие с карой, полагая, что последняя не имеет права на существование, лишь в силу ее стойкого неприятия в правовой теории [6. С. 36]. Представляется, что с данной позицией сложно согласиться, также как сложно согласиться и с тем, что «уголовно-правовое воздействие является внешним выражением кары» [6. С. 36]. Дело в том, что кара представляет собой не что иное как общественное и государственное порицание поведения виновного, которое, как правило, влечет за собой определенную совокупность тягот и лишений.

Между тем уголовно-правовое воздействие по своему содержанию явно шире содержания кары. Воздействие – это далеко не только наказание и все, что с ним, так или иначе, связано. В ходе воздействия на преступника не всегда присутствует и порицание, которого может и не быть в силу целого ряда вполне объективных причин. Речь в данном случае можно вести о таких формах воздействия на лицо, совершившее преступление, как принудительные меры медицинского характера, где как такового порицания нет, в связи с отсутствием у виновного способности осознавать сделанную государством оценку его поведения. Это могут быть и так называемые меры безопасности, направленные на контроль за лицами осужденным условно, освобожденными досрочно от отбывания от наказания и т.д. [7; 8. С. 8]. Представляется, что в силу причин различного рода употребление в таких случаях самого термина «кара» не совсем уместно. Отчасти данный тезис подтверждается и самим В.К. Дуюновым, который пишет, что «в зависимости от тяжести совершенного проступка и других обстоятельств, кара может выражаться только в осуждении деяния и порицании виновного...» [6. С. 33]. Однако ни в случае с принудительными мерами медицинского характера, ни в ходе реализации мер по контролю за лицами, имеющими судимость, ни

о каком порицании говорить нельзя. По большому счету и то и другое относится к мерам безопасности, при помощи которых происходит воздействие на лицо совершившее преступление. Воздействие, безусловно, имеет место, но при этом нет порицания, нет кары, как нет и тех тягот и лишений, которые традиционно с таким порицанием неотъемлемо связаны.

Сущностью такого явления, как уголовно-правовое воздействие не может быть исключительно порицание виновного. В некоторой степени об этом свидетельствует и сама трактовка термина – воздействие в русском языке. Это всегда «действие, направленное на кого-либо, с целью добиться чего-нибудь, внушить что-нибудь» [9. С. 87]. Воздействовать – значит «оказать воздействие, повлиять (влиять)». «Воздействие означает влияние», а последнее определяется как «оказать влияние, повлиять, подействовать, воздействовать, оказать (или возыметь) действие...» [10].

То есть речь всегда идет об оказании влияния на кого-либо, но никак не об оценке совершенного лицом деяния, и, более того, его порицании. Порицание, без сомнений, выполняет важнейшую роль в рамках института наказания. Однако воздействовать на кого-либо (повлиять на кого-либо) совсем не означает оценку самого поведения. Отсюда следует и характер выбираемых в отношении лица мер. Либо это действительно откровенно негативное отношение, которое находит свое проявление в обвинительном приговоре суда, либо элементарное желание обезопасить общество от возможных проявлений поведения невменяемых, неоднократно судимых и других категорий лиц, установление виновности которых либо не требуется, или это уже произошло, но на более раннем этапе. Таким образом, между карой и воздействием прослеживается явное отличие, которое носит принципиальный характер. На это указывает возможность существования воздействия на личность без порицания, которое совершенно необходимо в процессе реализации кары.

Интересно, что современная мировая практика подтверждает необходимость воздействия на лиц, совершивших преступления мерами уголовно-правового характера, которые далеко не всегда связаны непосредственно с наказанием и, соответственно, карой виновного [11–13]. То же самое с уверенностью можно сказать и о принудительных мерах медицинского характера, история которых еще более полна в сравнении с развитием способов направленных на контроль за поведением лиц, уже отбывших наказание [14. С. 34]. В обоих случаях у государства явно присутствует желание не столько выразить свою оценку совершенному деянию, сколько посредством воздействия на личность обезопасить себя и все общество от дальнейших преступных проявлений. Отсюда и уголовно-правовое воздействие необходимо рассматривать как категорию значительно более широкую по своему содержанию, нежели, например, тоже наказание, или порождаемую им судимость.

Содержание как категория диалектики, представляет собой «совокупность всех элементов явления и их взаимодействие друг с другом и с окружающей средой, определяемых их конкретной природой» [15. С. 210]. Говоря в целом о воздействии как о намерении оказать

некоторое влияние на лицо, совершившее преступление, необходимо отметить, что его реализация осуществляется далеко не только за счет наказания. К элементам такого воздействия с уверенностью можно отнести и иные, не связанные с наказанием способы влияния на виновного в совершении преступления. Более того, в последнее время все чаще (в том числе и на государственном уровне) обращается внимание на необходимость снижения карательного потенциала уголовно-правового воздействия, что возможно именно за счет применения мер, не связанных с наказанием. Речь не идет о необходимости отказа от оказания влияния на виновного со стороны общества и государства. Скорее, наоборот, воздействие должно быть еще более интенсивным, оставаясь при этом за рамками уголовного наказания.

С точки зрения содержания рассматриваемое явление представляет совокупность строго определенных на законодательном уровне элементов, обеспечивающих необходимое воздействие на виновного. К такому сегодня можно относить как само наказание, так и иные меры уголовно-правового характера (гл. 15.1 УК РФ), а также правоограничения, закрепленные в ч. 5 ст. 73 УК РФ, направленные на контроль за лицами осужденными условно и освобожденными от отбывания дальнейшего наказания досрочно (ч. 2 ст. 79 УК РФ). Все ограничения, связанные с совершенным лицом преступлением, так или иначе носят уголовно-правовое происхождение и все они связаны с постпреступным позитивным влиянием на виновного. При этом заложенный в мерах подобного рода объем воздействия мало имеет или не имеет вовсе карательного потенциала. Воздействие, таким образом, получившее уголовно-правовое происхождение, есть, а кары или репрессии как таковых нет. В то же время каждый из существующих сегодня элементов уголовно-правового воздействия является абсолютно необходимым для достижения максимально эффективного результата в противодействии преступности. Эти элементы представляют именно совокупность, объединенную между собой определенными целями и задачами. При этом их карательный потенциал не является определяющим критерием в ходе установления юридического статуса каждого элемента в отдельности. Важен сам факт его принадлежности к двум вещам: во-первых, уголовно-правовому источнику возникновения и, во-вторых, способности оказывать позитивное влияние на лицо, уже совершившее преступление.

Между тем, возвращаясь непосредственно к воздействию, необходимо отметить, что основная смысловая нагрузка данного термина сводится к оказанию влияния на кого-либо, желанию добиться от человека некоторого результата. Реализация данного желания в случае совершения лицом преступления осуществляется за счет уголовно-правовых средств, формулирование которых происходит на государственном уровне, а применение лежит на плечах конкретных органов и отдельно взятых лиц, уполномоченных принимать те или иные решения. Отсюда попытка определения уголовно-правового воздействия исключительно через призму «специальной деятельности государства» представляется не совсем удачной, а точнее, не до конца отображающей многосторонний характер самого воздействия.

Дело в том, что непосредственно влияние на виновного невозможно за счет самих средств уголовно-правового воздействия, нашедших свое отражение в Уголовном кодексе или других нормативных документах. Как таковые они, несмотря на то, что формулируются на государственном уровне, способны выполнять свои функции лишь в результате их успешного использования в процессе правоприменительной деятельности.

В свою очередь, выражение воли государства в правовых нормах еще не означает неизбежность ее реализации в конкретных жизненных условиях. Отсюда и воздействие на целые направления преступности часто остается лишь в качестве декларации. Об этом свидетельствует ряд положений действующего УК России, которые, несмотря на свое существование с 1996 г., так и не нашли соответствующего понимания среди практиков, и по целому ряду причин неприменимы. В качестве одного из таких примеров можно указать на ст. 184 УК РФ «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов». При всей опасности и распространенности данного посягательства ответственность за его совершение сегодня не реализуется [16]. Уголовно-правовое воздействие, таким образом, остается лишь на уровне предписания, потенциал которого остается до сих пор не реализованным. В данном случае можно вести речь о том, что государство действительно выразило свою реакцию на конкретное проявление общественной опасности посредством создания указанной уголовно-правовой нормы. Формально уголовно-правовое воздействие существует, однако фактически оно не реализуется.

К сожалению, нередко специальная деятельность государства по защите общества от наиболее опасных преступных посягательств носит исключительно постановочный, а не реальный характер. Данное обстоятельство лишний раз подтверждает тот факт, что государство, безусловно, выполняя ключевую роль в механизме уголовно-правового воздействия на преступность, все же не является единственным (по крайней мере, фактически) регулятором общественных отношений, складывающихся в связи с совершением преступления.

Весьма активную роль в этом занимают практические органы, от деятельности которых часто зависит не только применение или неприменение конкретной уголовно-правовой нормы, но и степень интенсивности самого воздействия в ходе практической реализации одного и того же положения закона в разных условиях. Так, увеличение количества совершения определенной группы преступлений на какой-то территории одновременно может повлиять и на судебную практику в области назначения уголовных наказаний и на деятельность правотворческую. И если законодатель будет реагировать на данный фактор путем официального ужесточения наказаний, то правоприменитель, не обладающий правом законодательной инициативы, может действовать несколько по-иному. Санкции, предусмотренные действующим УК РФ, являются альтернативными либо относительно-определенными, где существуют верхние и нижние пределы. При складывающейся благоприятной криминогенной ситуации на территории своего района судья, не нарушая закона,

может применять наказание по низшему пределу либо просто редко использовать высший предел, предусмотренный санкцией за этот вид деяния, а также к этому пределу вид наказания. Однако с изменением ситуации, допустим, с резким ростом определенной группы преступлений (грабежи в осенне-зимний период, изнасилования в весенне-летний и т.д.), судья, желая пресечь подобную тенденцию, начинает ужесточать наказание в рамках санкции (при этом, опять же, не нарушая закона). Он назначает более суровое наказание, близкое к верхнему пределу, стараясь подобным образом переломить, изменить ситуацию с помощью доступных ему средств.

Это же подтверждается и результатами проведенных исследований. Так, из 123 опрошенных судей на вопрос о том, может ли увеличение количества определенной группы преступлений на определенной территории послужить основанием для усиления мер уголовной репрессии со стороны судебных органов, 112 ответили «да», и только лишь 11 – «нет». Приведенные данные лишний раз доказывают существующее мнение об относительной самостоятельности судов и их способности на основе одних и тех же санкций оказывать *воздействие* на состояние преступности в отдельно взятых регионах.

Пользуясь тем инструментарием, который им предоставляется государством, уполномоченные лица так или иначе в каждом конкретном случае исходя из своего собственного правосознания принимают целесообразные решения, необходимые для достижения максимально полезного на данный момент времени результата. Вопросы усмотрения и целесообразности являются на сегодняшний день актуальными и во многом спорными как для отечественной теории, так и практики [17–19]. Однако наличие обоих явлений в реальной действительности бесспорно. В свою очередь, последнее обстоятельство, а также приведенные выше данные исследования указывают на высокую степень зависимости конечного результата уголовно-правового воздействия от конкретного волеизъявления отдельно взятых лиц – судей, работников прокуратуры, следователей и т.д. Без их участия, как и без их видения конкретных жизненных ситуаций, воздействие как таковое невозможно.

Впрочем, зависимость воздействия на лицо совершившего преступление на правоприменительном уровне проявляется не только в части назначения наказания или реализации так называемых некарательных мер [20. С. 7], но также касается вопросов квалификации. Во многом этому способствует практика Верховного Суда Российской Федерации, прецедентные решения которого все чаще кладутся в основу принимаемых решений судами нижестоящих инстанций. Почти во всех постановлениях Пленума Верховного Суда РФ последних лет прослеживается тенденция, в соответствии с которой он «подправляет» положения уголовного законодательства, фактически создает новые уголовно-правовые нормы [21. С. 41]. Более того, в отечественной уголовно-правовой доктрине прямо указывается на то, что в настоящее время решения высшей судебной инстанции России превратились в императив для нижестоящих судов, а по существу – для всех правоприменителей. Прецедентный характер в последнее время носит и деятельность Судебной Коллегии, а также Пре-

зидиума Верховного Суда РФ, решения которых нередко выходят за рамки как уже сформировавшейся уголовно-правовой доктрины, так и наработанной судебной практики. Более того, конкретные решения Верховного Суда РФ нередко противоречат его постановлениям, что не может не вызывать определенные сложности у судов в ходе квалификации преступлений и назначении наказания [22. С. 7–9; 23. С. 68–70].

Безусловно, процесс практической реализации законодательных предписаний, при наличии руководящих разъяснений, а также конкретных решений по отдельным взятым делам становится от них напрямую зависимым. Корректировка официального текста закона в ходе его применения осуществляется неоднократно, начиная с Верховного Суда и заканчивая непосредственными исполнителями на местном уровне, уже в рамках принятия решений по самостоятельным эпизодам. Данное обстоятельство делает правоприменительный аспект в понятии уголовно-правового воздействия если и не доминирующим, то, по крайней мере, не менее важным, нежели аспект правотворческий.

Отсюда следует, что уголовно-правовым воздействием следует признавать далеко не только специальную деятельность государства по регулированию общественных отношений, возникающих по поводу совершения преступлений, но и *фактическую деятельность правоприменительных органов по практическому применению сформулированных на государственном уровне средств противодействия преступности*. Уголовно-правовое воздействие в ходе применения закона приобретает реальные, а не абстрактные, какими они и являются в тексте уголовного закона, очертания. При этом высокую степень его эффективности можно обеспечить лишь за счет каче-

ственных средств, созданных специально в целях противодействия преступности и не менее качественного их использования. Таким образом, рассматриваемое явление нельзя представлять в одностороннем порядке как специальную деятельность государства либо оценивать его исключительно с позиции правоприменительного аспекта, в ходе которого происходит реализация наказания или мер некарательного характера.

Уголовно-правовое воздействие скорее представляет собой совокупность двух составляющих – процесса создания уголовно-правовых средств противодействия преступности и их практического применения для достижения социально-полезного результата. При этом защита наиболее важных общественных отношений от преступных посягательств должна носить строго целевой характер, таким образом, соответствуя не только принципам законности и справедливости, но и целесообразности. В свою очередь, формулировка целей, а затем и средств их достижения изначально предполагает общественно значимый и важный для государства результат. Именно эти три категории (цель, средство, результат) и являются неотъемлемыми составляющими уголовно-правового воздействия на преступность на любом из этапов развития общества.

Все это в совокупности позволяет определить уголовно-правовое воздействие как *целесообразную деятельность государства, его исполнительных органов, а также уполномоченных лиц по созданию и практическому применению средств противодействия преступности для достижения социально полезного результата, а также регулированию отношений, возникающих вследствие нарушения установленных уголовно-правовых запретов*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. 192 с.
2. Коробеев А.И. Уголовная наказуемость общественно опасных деяний. Хабаровск, 1986. 236 с.
3. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. 337 с.
4. Векленко С.В. О повышении эффективности уголовно-правового воздействия // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: Материалы III Рос. конгр. уголовного права. М., 2008. С. 234–236.
5. Дуонов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. 343 с.
6. Дуонов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: Дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с.
7. Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования. Омск, 2009. 283 с.
8. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск, 2000.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970. 639 с.
10. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1975. 600 с.
11. Уголовный кодекс ФРГ / Науч. ред. Д.А. Шестаков. СПб., 2003. 552 с.
12. Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л.В. Головкин; Н.Е. Крыловой. СПб., 2002. 648 с.
13. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Под ред. О.А. Жидкова. М., 1993. 659 с.
14. Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера. СПб., 2003. 410 с.
15. Категории диалектики как ступени познания / Под ред. А.П. Шептулина. М., 1971. 123 с.
16. Сараев В.В. Уголовно-правовая охрана профессионального спорта в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 22 с.
17. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 32 с.
18. Бойко Д.В. Правоприменительное усмотрение, законность и произвол // Общество и право. 2009. № 3. С. 41–43.
19. Севастьянов А.П. Пределы судейского усмотрения при назначении наказания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 24 с.
20. Набиуллин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 24 с.
21. Лопашенко Н. Толкование пленумом Верховного Суда РФ норм об ответственности за незаконное предпринимательство и легализацию // Уголовное право. 2005. № 2. С. 39–41.
22. Бавсун М., Вишнякова Н. Проблемы квалификации убийства, сопряженного с иными преступлениями // Уголовное право. 2004. № 4. С. 8–11.
23. Шнитенков А. Проблемы квалификации при совокупности преступлений // Уголовное право. 2005. № 2. С. 67–69.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 мая 2010 г.